

**В СЕРИИ  
«ПОЛЫНЬ – СУХИЕ СЛЁЗЫ»  
ВЫШЛИ КНИГИ:**

---

Разрыв – трава горькая  
Сквозь печальные туманы  
Волки смотрят в лес  
Отворите мне темницу  
Горюч камень Алатырь

**СЕРИЯ «ГРЕШНЫЕ СЁСТРЫ»:**

---

Цветы запоздалые  
Гори, письмо любви  
**Судьбою рвется нить**



Анастасия Туманова

# СУДЬБОЮ РВЁТСЯ НИТЬ

T8 RUGRAM

УДК 821.161.1  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
Т83

**Туманова, А.**

Т83 Судьбою рвётся нить / А. Туманова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2021. — 348 с. — (Грешные сёстры).

ISBN 978-5-521-92496-7

Мертвым узлом затягиваются судьбы сестер Грешневых. Анна убеждена, что ее прошлое никогда не позволит ей быть рядом с любимым человеком. Авантюристка Катерина ввязывается в смертельно опасную игру, ставка в которой — счастье старшей сестры. Софья, став примой оперного театра, имея успех и поклонников по-прежнему глубоко несчастна. Теперь она уверена в любви Владимира... Но купеческой содержанке не стать женой дворянина. Никто не видит страданий молодой блистательной певицы. Никто — кроме того, кто ее любит...

УДК 821.161.1  
ББК 83.3(2Рос=Рус)  
ВІС FС  
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92496-7

© Туманова А., 2021  
© Т8 RUGRAM, оформление, 2021  
© Т8 Издательские технологии, 2021

## ГЛАВА 1. ВЛАДИМИР

Ранним утром 12 октября 1882 года с поезда, прибывшего из Смоленска на Варшавский вокзал в Москве, сошел молодой человек лет тридцати. Широкий разворот его плеч и выправка выдавали военного, хотя мужчина был в штатском пальто и фуражке, какие носили деревенские помещики. С загорелого лица смотрели спокойные серые глаза. Молодой человек пересек еще темную привокзальную площадь, подошел к стоящим возле тротуара извозчичьим пролеткам, сел в одну из них и негромко приказал извозчику:

— На Хитров.

— Ку... куда?! — Извозчик круто повернулся и изумленно уставился на седока.

— На Хитров рынок. Угол Солянки и...

— Да уж знаем мы, где Хитров-то, барин: не первый год по Москве возим! — обиделся извозчик. — А пошто вам туда-то? Ведь самое гиблое место воровское. Туда и днем-то нос казать приличному человеку незачем! Разденут-разуют и в чем мать родила по улице пустют! И это еще повезет ежели, а не то...

— Спасибо, что предупредил. А теперь, будь любезен, трогай: я тороплюсь.

Извозчик пожал плечами, снова покосился на странного седока и хлестнул лошаденку вожжами.

Доехали быстро: темные улицы утреннего города были еще пусты. В этом году рано настали осенние холода. Снег пока не выпал, но земля уже промерзла. По тротуарам сухо шуршали последние облетевшие с деревьев листья. Низкое сумеречное небо, казалось, лежало прямо на крышах домов. На углу Спасоглинищевского переулка извозчик остановил свою лошадку.

— Дальше, хоть режьте, не поеду!

— И не надо, — спокойно ответил молодой человек, ловко выпрыгивая из пролетки и протягивая извозчику двугривенный. — Если не в тягость, подожди меня тут. Через час я вернусь, и поедем дальше.

— Ой ли, вернетесь? — хмыкнул извозчик.

Молодой человек усмехнулся:

— Бог не выдаст, свинья не съест. Подожди, будь любезен. Мне не хочется после тратить время и искать другой экипаж.

Извозчик, подумав, кивнул и еще долго провожал глазами высокую фигуру, исчезающую в густом тумане Хитровки.

Это было действительно самое опасное место Москвы. На Хитровом рынке находились воровские притоны, нищенские ночлежки, публичные дома самого низкого пошиба. По узким, заваленным грязью и нечистотами улицам болтались нищие, проститутки и грязные, оборванные дети. В подвалах продавали самодельную водку, купали краденое, тут же перешивали ворованные вещи, чтобы выгодно сбыть их с рук. В кабаках «Пересыльный» и «Сибирь» прятались беглые каторжники. Простые горожане старались обходить это страшное место за несколько кварталов.

Извозчик честно прождал час, опасливо поглядывая по сторонам и переругиваясь со шмыгающими поблизости нищими. Когда закончили бить часы с недалекой Сухаревой башни, вздохнул, перекрестился, пробормотал: «Ну, как есть зарезали дурака...» — и уже взялся было за вожжи, собираясь разворачивать лошадь, когда услышал знакомый голос:

— Вот молодец, дождался! Я немного задержался, так что спасибо!

— Ба-а-арин... — растерянно протянул извозчик, увидев приближающегося к нему недавнего пассажира. — Живой, убиться можно...

— Как видишь, — подтвердил тот, запрыгивая в пролетку. К этому времени уже совсем рассвело, и извозчик заметил, что рукав пальто странного господина основательно измазан в грязи.

— Пальтишко запачкать изволили, — указал он.

— Пустяки, а вот что с этим делать? — Молодой человек поднял руку, и извозчик увидел, что серая ткань пальто и борт сюртука под ним разрезаны — чисто и ровно, будто хирургическим скальпелем.

— Это что за жиган постарался?..

— Степка Жареный не узнал меня с перепоя. Хорошо еще, что прошло скользом, — усмехнулся седок. — Вот подлец... мне ведь еще целый день ездить в таком виде по Москве... Ладно, здесь пусто. Поехали на Грачевку.

Некоторое время извозчик молча нахлестывал лошадь. Затем, не выдержав, спросил:

— А вы кто ж такой будете, ваша милость? Не из фартовых ли сами-то?

— Нет, — спокойно ответил седок, но в глазах у него мелькнула усмешка. — Я из Смоленска, тамошний помещик.

— А звать вас как?

— Владимиром Дмитричем. А тебя?

— Меня Мишкой можете звать. В Грачевке вам кого надобно?

— Для начала мадам Голосовкер. Заодно, Михайло, можно ли тебя ангажировать на весь день? Мне еще много куда надо заехать...

— С превеликим нашим удовольствием, Владимир Дмитрич! — радостно отозвался извозчик. — С ветерком покатаю! Вся моя время ваша!

— Кстати, по-моему, ты в Москве не так уж долго.

Мишка ошарашенно молчал. Затем с запинкой выговорил:

— Ваша правда. Второй месяц только... Нешто заметно? Аль не потрафил чем вашей милости? Господа, какие ездили, николи не жаловались, и город хорошо знаю!

— Ничуть не заметно, — успокоил его Владимир. И больше, как не ел его глазами заинтригованный извозчик, ничего не сказал.

На Грачевке Владимир пропадал дольше. Мишка ждал его на Трубной площади целых два часа, от скуки перекидываясь шутками с сонными жрицами любви, возвращающимися после ночных трудов в свои комнатенки. Здесь было главное средоточие московских домов свиданий. Улицы и переулки кишели столичными «мессалинами», их «котами» и «мадамами».

Наконец Владимир появился в сопровождении целого букета разновозрастных проституток, которые что-то наперебой, страстно втолковывали ему, а он внимательно слушал и, как показалось извозчику, хмурился. Наконец девицы отстали, и молодой человек снова вскочил в пролетку.

— На Сухаревку!

Вокруг Сухаревой башни раскинулся бойкий толкучий рынок. Тут продавали всевозможное барахло, начиная от перелицованных штанов и заканчивая антикварными вазами и рукописными книгами пятнадцатого века. Было уже довольнолюдно, между рядами кучками бродил народ, раздвигали толпу торговки сбитнем и пирогами, сновали мальчишки, вертелись карманники, и Мишка на всякий случай предупредил:

— Вы осторожней бы, Владимир Дмитрич! Тута народ бедовый, на ходу подметки режут! Оставили бы мне портмонет, а то не дай бог...

— Не беспокойся! — Владимир соскочил с пролетки, ввинтился в пеструю гомонящую толпу и исчез. Вернулся через полтора часа, помрачневший.

— Едем к Бубнову.

— Да вы б сказали, кого ищете, ваша милость, а? Может, я и знаю...

— Навряд ли, брат. Трогай.

Они побывали в бубновской «дыре» в Ветошном переулке, где в подвальном помещении днем и ночью шла крупная игра. Заехали на Таганку, в лавки торговцев краденым. Добрались даже до Петровского парка, где на цыганской улочке Живодерке Владимир долго расспрашивал барышников — к восхищению Мишки, на их языке, — потом зачем-то отправились на Конный рынок... И отовсюду странный господин возвращался целым и невредимым, но извозчик видел, что настроение его портится больше и больше. Уже поздним вечером, в полной темноте, Владимир вышел из самого лучшего московского дома свиданий на Сретенке и отрывисто, устало бросил:

— К дому графини Грешневой, в Столешников.

«Ого!» — мысленно перекрестился Мишка, но говорить ничего не стал. На Сретенке, ожидая седока, он успел напо-

ить сивку из «басейни», и немного отдохнувшая лошадка бежала споро и охотно.

Дом графини Грешневой в Столешниковом переулке сиял всеми окнами: у хозяйки был вечер. У ворот стояли экипажи. Спрыгнув на землю из пролетки, Владимир взглянул на извозчика:

— Что ж, Михайло, прощай на этом. Вот тебе рубль... и еще один... В расчете?

— Дозвольте еще обождать?

— Нет, брат, на этом все. Спасибо тебе.

— Зря проездили, ваша милость? — пряча за пазуху деньги, спросил извозчик. — Не нашли, кого хотели?

— Нет, — помолчав, ответил Владимир. — Что ж... будем надеяться, еще повезет.

— Ежели занадоблюсь — так у вокзала завсегда меня сыщете! Очень приятно с вами дело иметь было!

— И мне с тобой также. Будь здоров. — Владимир подошел к запертой калитке, стукнул в нее, сказал несколько негромких слов отворившему дворнику и, махнув на прощание рукой извозчику, исчез в темном дворе. Мишка вздохнул, разобрал вожжи, готовясь разворачивать пролетку.

— Ну что, Мишка, — с честью тебя? — смеясь, окликнул его знакомый извозчик, экипаж которого стоял под фонарем, у ограды дома графини.

Мишка недоверчиво обернулся:

— Это что ж за честь-то, дядя Семен? Шутишь?

— Да как же! Самого Черменского целый день провозить — велика честь в твои года-то! Я вот ни разу не сподобился, а десять лет по Москве езжу! Прокофьич из восьмой части года два назад его возил, так и посеёчас хвастается!

— Это — Черменский?! Газетчик который? Из «Московского листка»?! — Мишка чудом не свалился с козел,